

ТЕЛЕЦ

На венцосных полукружьях
Блестит небесная пыльца:
Моё склонённое оружие
Остро, как тернии венца.

Лозой, от времени янтарной,
Моя уста обзагрены;
Во мне смятение Минотавра
И зов Европиной волны;

Но сок, отстоянный годами,
Иной мечтой заворожён:
Я голос бунта и страдания
И ропот жертвы под ножом.

Не знает слова «невозможно»
Моя склонённая глава.
Само Священное Подножье
Меня избрало братом льва.

Когда же брат мой жёлто-яркий,
Не оборачиваясь никем,
Рыча, стерёг в пустыне Марка,
Я был хранителем Луке.

Мой глаз — как выписанный кистью
Или вкрапленный в монолит;
Я — первому иконописцу
Держатель первой из палитр;

В моем безудержном влечении
Искала поднятая кисть
Глаза Венеры Боттичелли
И Гоги жаркие зрачки.

Анастасия Бойцова

Я раб Владычицы, что крепко
Земные держит на весу;
Я — все, прикованные цепью
К её державному кольцу;

Влагая Аelfу и Омегу
В чужую хрупкую ладонь,
Я — все истерзанные негой
И окрылённые страдой,

И в небо мой чеканный корпус
Их утованья возвели...
Во мне смиренность непокорства
И вся неистовость земли.

Разве знали мы, о чём просили,
На морских лелемых равнинах?
Смилуйся, о Господи! Верни нам
Хвостовой плавник зелено-синий!

Осуши и благостно, и горько
Слёзы дочерей твоих скуластых.
Господи! Верни нам наши ласты;
Ноги — это слово по изолкам!

Разве знали мы, о чём роптали,
Следуя за пеною кормою?
Господи! Верни нам наше море,
Воздух обжигает нам гортани.

Возврати нам жабры, что прорезал,
Господи! Зачем ты нас послушал?
Слишком дорога нам эта суша —
Как по раскалённому железу!

Мы забыли, что рвалось и пело,
Что через себя переступило...
Возврати нам в грудь морскую пену.
Сердце — это слишком нестерпимо.

ГРАВИЮРА

Вдоль клавиш белых или клавиш чёрных
Касаниями, гаснущими втуне,
По пёстрой обжитой клавиатуре
Своих воспоминаний немощных.

Здесь улицы немислимых симфоний,
Здесь тулики таинственных болезней
Вдоль мостовых, назначенных не ездить,
А уплывать в колеблющемся фоне

Врежён и лет... Как трудно раствориться!
Так память истязают пустяками
Оттенков неба, ошущенные ткани,
Жасмина запах или барбариса;

Так мечется по комнате смятенно
Не вовремя отпущенная птица...

Ах, только разбежаться вслед за темой,
Мгновенно, не успев оборотиться,

И в отзвуке, рождённом первым presto,
Разбиться, постепенно замирая...
Неужто есть в аду такое место,
Которое не ранит?

ЛЕТО

Суть бытия? Но эта суть, увы,
Ясней, чем для Сальери в каждой гамме.
Мне надо каждый день гранить ногами
Упрущую неровность мостовых,

Мне надо каждый час, что длится тут,
Почувствовать всей внутренностью
Скальпа.

Уж если говорят «дита асфальта»,
То и асфальт имеет высоту,

То и асфальт... Мосты, мосты, мосты —
Любой пролёт ободран и бесценен.
Летят как под обстрелом — лять по цели
И девятнадцать тысяч холостых.

А с запада, с удобной огневой
Позиции, с ухмылкой философской
Мосты огнём окатывает Солнце —
Никем не устранённый часовой.

Суть бытия шумит и видит сны
С зелёным солнцем в обморочном зеве,
Сменивши на тускнеющую зелень
Меха зимы и розовость весны.

Суть бытия — объятья этих лап
Испытывать, не вспоминая зиму,
И слышать запах мёда и резины,
Как запах материнского тепла.

Рубашка порвана. Камзол распахнут.
И кровос стекает струйкой по бедру.
Отчаяние ладаном не пахнет.
Со мной покончено, Гораций, дру.

Мои кишки и жилы наматало
На шестерни невидимых кулис...
Пусть подождут четыре капитана,
Они на сцену рано поднялись.

Пусть подождут. Тебе разбавить нечем
Мою неразведённую вину.
Боюсь, что я с отцом уже не встречу
И призраком на сцену не вернусь.

Боюсь, не шпага это совершила,
Не рок и не король. Никто другой,

Как декорационная машина
И пьяный дуралей у рычагов.

Боюсь, что смерть по сути так недепа,
Что только оскорбит служенье муз.
Боюсь, что целый зал вернёт билеты,
Когда я на поклон не поднимусь.

Весь мир обезлюдил. Ты здесь один,
Родившийся миг назад.
Взгляни на неё и глаз не своди,
Покуда терпят глаза.

И знай об одном: что нынешним днём
Зовёт блаженством миг назад...
Ты — первый из первенцев. Ты Адам,
И яростнее, чем ток.

Что краткий миг равняет к годам,
Зовёт блаженством беду...
Ты — первый из первенцев. Ты Адам,
Сраженный громом в саду.

Переча велению трёх форту,
В насмешку всем номерам,
Сквозь радугу слёз и горечь во рту
Ты будешь весь вечер глядеть на Ту,
Которую Не Выбирал.

И знай, что все остальное — дым,
Мишурный пустой азарт.
И нет бриллиантов такой воды,
Как влага в твоих глазах,

Что жжёт и жаждет уже давно
Сбежать по впадинам щёк...
Не надо стыдиться. Сегодня в ночь
Ты в рыцари посвящён.

И лишь об одном позволю пожелать —
Украдкой, из-под руки:
Что ты и сам по прошествии лет
Не вспомнишь себя таким.

Забудешь, дав себя закружить
Теченью вещей и лиц,
Что в эту ночь воистину жил,
Что боль и слезы были свежи
И пряны, как остролист.

Забудешь: цикады пели в траве
И пахла звездная синь...
Забыв, обесцелясь, орозовае,
Ты так и не сможешь узнать вовек,
Насколько сейчас краси.

Глаза и лицо порастут корой,
И жиром — сердце в груди;
Но есть минута, и нет второй,
Когда любой свинопас — король.
Ты понял меч — фиди.

ЗА ТЕХ, КТО В ПУТИ

Благослови, теперь, когда заняли
Усталые глаза и голос тих,
Благослови, Господь, пути земные,
Благослови небесные пути.

Благослови, дабы не загорелся
Мотор, услышав помыслы твои,
Благослови лазоревые рельсы
И пыльные земные колеи.

Благослови от дали и от пыли,
Благослови от рубежей и царств;
Благослови дюралевые крылья
И ветрам разнесённые сердца.

Благослови, покида синева нам
Поёт о шторме с пеною у рта,
Благослови морские караваны,
Благослови машины и борта,

Благослови натруженные вены
И — в самые лихие времена —
Благослови тоску по перемене,
Тобою же заложённую в нас.

Благослови всё то, что разрезает
Пространство ради замыслов и бурь.
Благослови рутину и дерзание,
Благослови непрочную судьбу,

Благослови. Оставь её длиннее,
Чем это за секунду видишь Ты.
Да устоят опоры и тоннели,
Не подведут плотины и мосты;

Да не обманет мис Твоей Надежды
Наш роковой беспомощный азарт...
Да выдержит обшивка. Да удержат
На ледяной дороге тормоза.

Плутающий в метели да не встретит
Свой час вдали от слова и тепла!
Свети ему. Да не залепит ветер
Широкий лоб ветрового стекла.

Да сбудется по сказанному слову
Для каждой из молящихся в тиши.
Да вдалеке не оборвётся провод
И ветер да шагов не заглушит.

Из искр, Твоим дыханием невольным
Рассеянных над пропастью без дна,
Пускай не вспыхнет пламенем сегодня
И, всыхнув, не погаснет ни одна.

Оставь, не обрывай хотя бы ныне
Едва-едва мерцающий пунктир...
Благослови, Господь, пути земные!
Не для меня. Мне некогда идти.

